

The book cover features a dark, moody illustration. A woman with long blonde hair, wearing a red sweater and blue leggings, is lying on her side on a dark couch, looking down at a smartphone. The room is dimly lit, with a large window in the background showing a bright blue light and a shadow of a hand pressed against the glass. The title and author's name are in large, stylized white letters at the top, and the subtitle is in smaller white letters at the bottom.

Р. Л. СТАЙН

НЕ ЛОЖИСЬ
ПОЗДНО

УЛИЦА СТРАХА

Роберт Лоуренс Стайн

Не ложись поздно

Серия «Улица Страха»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64965301
Не ложись поздно: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-120347-4

Аннотация

Потеряв отца в ужасной аварии, Лиза едва не лишилась рассудка. Кошмары и видения не дают ей покоя, заставляя переживать трагедию вновь. Получив предложение поработать няней, Лиза охотно соглашается, надеясь, что работа поможет ей выбросить тяжелые воспоминания из головы.

Но легкий заработок оборачивается сплошным ужасом, когда знакомые Лизы начинают гибнуть один за другим, а сама она понимает, что на улице Страха кошмары иногда становятся явью...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	18
4	24
5	26
Часть вторая	29
6	29
7	33
8	38
9	43
10	47
11	49
12	53
Часть третья	59
13	59
14	64
15	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Р. Л. Стайн

Не ложись поздно

R. L. Stine

Don't Stay Up Late

Copyright © 2015 by Parachute Publishing, LLC. All rights reserved

© Анатолий Уманский, перевод, 2020

© Алексей Провоторов, иллюстрация, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

Посвящается Джейн, которая всегда права

Часть первая

1

Меня зовут Лиза Брукс, и я – чокнутая психопатка. Не то чтобы я всегда была безнадежно умалишенной. До автокатастрофы я вообще считала себя абсолютно нормальной.

В феврале месяце наша семья перебралась в Шейдисайд. Мне понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к новому дому, новому городу и новой школе. Это ведь абсолютно нормально, правда?

Сперва, ясное дело, приходилось трудненько. Поначалу я была одна как перст. Тосковала по друзьям, оставшимся в Шейкер-Хайтс. Шейдисайдская школа казалась огромной и непривычной, а большинство ребят, с кем я свела знакомство, проучились в ней всю свою жизнь и успели завести собственный круг друзей.

Я бродила по длинным коридорам из класса в класс, а все кругом болтали и смеялись. Порою возникало чувство, будто меня вовсе не существует. Я слегка застенчива, мне не так-то просто подойти к кому-нибудь и завести разговор. Так что в первые свои недели здесь я чувствовала себя эдакой невидимкой.

Ну а к апрелю начала уже потихоньку осваиваться. Заво-

дила друзей. Много времени, например, я проводила с Сэ-
ралинн О'Брайен. У нас оказалось схожее чувство юмора, и
обе мы были невысокого мнения о парнях и о школе. Мы
считали, что школа – одна сплошная морока, через которую,
впрочем, придется пройти, чтоб зажить по-настоящему. И
обе были убеждены, что парни, конечно, существа недале-
кие, но и без них никуда.

Точняк. Никуда. К апрелю я уже обзавелась собственным.
Звали его Нейт Гудман. Наше знакомство состоялось, когда
я, выходя из столовки, врезалась в него на верхней ступеньке
лестницы, отчего он улетел вниз. Я шла, уткнувшись в теле-
фон, вот и не заметила его.

К счастью, Нейт – отличный акробат. Ему удалось благо-
получно прокувыркаться всю дорогу. Отделался парой сса-
дин, слегка кровоточащих, но шею все-таки не свернул.

Конечно, я тут же скатилась следом, дабы убедиться, что
с ним все в порядке. Нейт сел, помотал головой. Думаю, он
был малость ошарашен. Я склонилась над ним:

– Живой?

– Пару секунд назад был, – ответил он.

Я извинилась, наверное, сотню раз и помогла ему встать,
чувствуя себя просто кошмарно. Не меньше дюжины ребят
остановились поглазеть на нас.

Нейт вытер кровь со лба тыльной стороной ладони.

– Ничего себе не отбил? – спросила я.

– Себе не отбил, а мировой рекорд побил точно. По ско-

ростному падению с лестницы.

– Рада, что у тебя есть чувство юмора.

– Я тоже.

Нейт – парень видный. Он высок и строен, у него прямые темные волосы, которые он гладко зачесывает назад, большие карие глаза и лукавая улыбка, от которой на правой щеке проступает ямочка.

– Ты Лиза, верно? – Он разглядывал меня. – Сэралинн мне о тебе рассказывала. Жаль, не предупредила, какая ты опасная.

Я бросила на него взгляд.

– Да, я очень опасная. – Кажется, это я так пыталась флиртовать. Мне пришлось взять Нейта за руку, чтобы помочь, и теперь я заметила, что до сих пор держу ее. – Откуда ты знаешь Сэралинн?

Он снова вытер кровь со лба, на этот раз рукавом своей черной рубашки.

– Мы росли рядом. В одном квартале.

– Ты в выпускном, да? – спросила я. В кармане джинсов пискнул телефон. Эсэмэска. А, ну ее...

Нейт прищурился:

– Как узнала?

Я пожала плечами.

– Вроде Сэралинн рассказывала.

Мы с ней учимся в начальных классах старшей школы. Не по душе мне это название, «начальные классы», и признать-

ся, что я в одиннадцатом, почему-то было неловко.

– Ты бы показался медсестре, – сказала я. – Вон, лоб рас-
садил.

Нейт кивнул.

– Знаешь ли, я не думал, что сегодня буду сдавать кровь. –
Он произнес это на манер вампира в старом кино.

Я засмеялась:

– Ты здорово изображаешь вампира. Сэралинн говорила,
что ты задвинут на ужастиках и триллерах.

– Ну да, афиши там собираю, комиксы, маски и прочие
прибамбасы. Я смотрю, ты много обо мне знаешь.

Я опять пожала плечами, чувствуя, как заливаюсь крас-
кой. Все верно, мы с Сэралинн много о нем говорили. С тех
пор, как он у нас на глазах прочитал длинную поэму Эд-
гара По на школьном смотре талантов. Я решила, что он кра-
савчик. С приветом, но все-таки.

Нет, ну выбрать Эдгара По? Серьезно?

Прозвенел звонок. Мы опаздывали на пятый урок.

Я испытывала к Нейту неслабые чувства. Меня словно ка-
ким-то силовым полем влекло к нему. Думаю, лет сто назад
подобное назвали бы любовью с первого взгляда. В кино в
такие моменты обычно играют слащавые скрипочки.

Что я хочу сказать: мне нравилось, как он на меня смот-
рит, нравилось говорить с ним. Я подумала, как ни странно,
что сочащаяся кровью ссадина на лбу придает ему особое
очарование.

– Рада была... столкнуться, – сказала я.

Он кивнул:

– Забавно. Напомни мне посмеяться.

С тех пор мы с Нейтом встречаемся. Иногда только вдвоем. Иногда, как было в тот вечер, двенадцатого апреля, когда мы ходили в забегаловку «У Лефти» – с Сэралинн и другом Нейта, Айзеком Бренером.

Да, я помню точную дату. Двенадцатое апреля. Вечер катастрофы. Вечер великого ужаса. Вечер, превративший меня в чокнутую психопатку.

– Есть вроде такое слово? – спросил Айзек. – Вомиториум?

– Нам мистер Хаммер рассказывал, – оживилась Сэралинн. – В драмкружке. У них, у древних римлян, были в театрах такие проходы. Чтоб зрители могли быстро покинуть театр. Вот их и называли – вомиториумы. На латыни это, как и английское «vomit», означает «извергать».

Айзек поскреб свои курчавые темные волосы:

– То есть зрителей выворачивало прямо в проходах?

– Не-а. Это распространенное заблуждение, – пояснила Сэралинн. – Блевотина тут ни при чем.

Я закатила глаза:

– А можно поговорить о чем-нибудь другом? Мы сюда поесть пришли, или как? Обязательно обсуждать вомиториумы?

Нейт согласно кивнул. Мы сидели в просторной кабине с красными виниловыми стенками в глубине ресторана. Нейт обнимал меня рукой за плечи. Сэралинн с Айзеком сидели напротив.

– Да просто в столовке вчера устроили вомиториум, – сказал Айзек. – Ребята всё там обрыгали. Мерзость еще та.

Рука Нейта сжала мое плечо.

– Кто-нибудь знает, из-за чего все проблевались? – спро-

сил он.

– Может, из-за жратвы? – предположил Айзек.

Все засмеялись. Айзек – завзятый приколист. Всегда какую-нибудь чушь сморозит.

– Сие до сих пор тайна, покрытая мраком, – сказала Сэралинн. – Говорят, всё из-за макарон с сыром. Ну что может быть в них такого?

Вчерашний учебный день обернулся катастрофой. Дюжину ребят пришлось увезти в неотложку. От этих разговоров о блевотине меня уже самую начало подташнивать.

Так что я обрадовалась, когда подошла официантка, чтобы принять наш заказ. Я ее по школе знала – Рэйчел Мартин¹. Она в выпускном, но мы с ней ходим на политику и обществознание.

– Что нынче особенного? – спросил у нее Айзек.

Рэйчел похлопала глазками:

– Чизбургеры.

– Так вчера же были чизбургеры! – сказал Айзек.

Она ткнула его ластиком карандаша:

– Очень смешно, Айзек.

– Нехорошо клиентов карандашом тыкать, – заявил тот, потирая плечо. – Разве тебе Лефти не говорил?

Мы дружно посмотрели на окошко в кухню. Нам была видна лишь спина Лефти. Он стоял у гриля, поджаривая чиз-

¹ О приключениях Рэйчел читайте в книге «Игры для вечеринки». (Здесь и далее примечания переводчика.)

бургеры.

– Лефти говорит, тебя можно, – парировала Рэйчел.

Айзек вскочил.

– Да ладно? Не знал, что ты в меня влюблена. Куда поедем, к тебе или ко мне?

Сэралинн потянула его за рукав и усадила на место:

– Ха-ха. Смешно.

– Нам как обычно, – сказал Нейт.

Рэйчел что-то черканула в блокноте. После чего, снова ткнув Айзека карандашом на прощание, развернулась и ушла в кухню.

Нейт убрал руку с моей спины.

– Так, ребята, телефончики на стол. – Он извлек телефон из кармана джинсов и положил на середину стола.

Остальные тоже достали телефоны и аккуратной стопкой сложили поверх телефона Нейта.

– Ты это, проверь, чтобы Айзек сигнал не отключил, – напомнила Сэралинн.

Нейт вытащил из стопки телефон Айзека и проверил.

– Да лан, ребята, я разве похож на жулика? – притворно обиделся Айзек.

– Да! – ответили мы хором.

Нейт нажал на кнопку и укоризненно посмотрел на Айзека через стол:

– Отключил-таки.

Айзек поднял правую руку:

– Нечаянно. Ей-богу. Совершенно нечаянно.

Это была наша обязательная традиция. Мы складывали телефоны стопкой. У кого зазвонит первым – тот и платит за ужин.

Как правило, проигравшей оказывалась я. Уж больно мама с папой были настырные. Типичные сумасшедшие родители, они отслеживали каждый мой шаг. И без конца названивали. Типа спросить о чем-то. А на самом деле просто пасли.

И попробуй не взять трубку – получишь длиннущее голосовое сообщение. Нет, ну, честное слово, кто их вообще слушает, сообщения эти?

В прежней школе у меня был кавалер, который им жутко не нравился. Подумаешь, вылетел из школы и набил вдоль всей правой руки татуху. Парень-то ничего, но они оказались неспособны видеть дальше татуировки.

Вот из-за него они, видимо, мне и не доверяли.

Нравился ли им Нейт? Я не спрашивала. Да и по фигу было.

– Как твоя группа? – спросил Нейт Айзека. Айзек возглавляет рок-группу под названием «Черные дыры». Они говорят, что перепевают «Металлику», но опознать песни «Металлики» в их исполнении трудновато.

Айзек перетасовывал тубики с горчицей и кетчупом. А потом направил на Нейта, да как сдавит! Нейт увернулся. Кетчуп с горчицей забрызгали столик.

– Ты как десятилетний, – покачала головой Сэралинн.

– Пardon, – сказал Айзек. – Я не нарочно, ей-богу. Просто мысли о моей группе меня сильно напрягают. – Он взял несколько салфеток и промокнул пятна на столике.

– А что не так? – спросил Нейт.

– Мы отстой. – Айзек дернул себя за темную шевелюру. – Отстоище.

– Расскажи лучше что-нибудь новенькое, – съязвила Сэралинн.

Айзек пропустил ее шпильку мимо ушей.

– У нас концерт в субботу вечером. В «Оранжерее». Помнишь, тот клуб на Парковой возле Ривер-роуд? А парни ни черта не выучили. Их даже на репу фиг сгонишь.

– Слушали мы тебя в том месяце на смотре талантов, – сказал Нейт. – Тоже полный отстой был.

Айзек помотал головой.

– У нас был месяц, чтобы стать еще отстойнее. Это ужас какой-то, Нейт. Кроме шуток. Можешь поместить нас в свою коллекцию ужасов. Рядом со «Зловещими мертвецами-2».

У Нейта на дисках сотни две ужастиков, не меньше. На прошлой неделе он усадил нас всех смотреть «Зловещих мертвецов-2». Самое любимое кино у него. Особенно сцена с выбитым глазом, который влетает прямехонько в рот визжащей блондинке.

Рэйчел принесла наши чизбургеры и картошку фри. Она начала переставлять тарелки с подноса на стол, но вдруг

остановилась:

– Та-ак, кто изгадил столик?

– Отгадай с трех раз, – сказала Сэралинн.

Рэйчел посмотрела на Айзека долгим взглядом. И засмеялась. Айзека все любят. Он невысокий и чуточку полноватый, со спутанной копной темных волос и карими глазами, от которых, когда он улыбается, разбегаются лучиками морщинки. Своими вечными шуточками он постоянно срывает уроки. Сам он говорит, что ему необходимо внимание. Не уверена, тоже прикалывается или нет.

При всем при том он отнюдь не балбес. Вроде на учебу не больно-то налегает, а поди же, круглый отличник. А еще он учит северокитайский язык. Говорит, что перед учебой в колледже хотел бы посетить Китай.

Нейт говорит, что Айзек хочет сбежать в Китай от своей рок-группы.

– Кстати, об ужасах... – начала Сэралинн.

Мы все были заняты своими чизбургерами. Они у Лефти очень сочные, к тому же он не жалеет салата, помидоров и огурцов.

– Я должна сделать видео для кинокружка, – продолжала Сэралинн. – Мне кажется, нам стоит снять собственный ужастик. Скажем, у тебя на чердаке, Нейт. Со всякими твоими жуткими масками...

Нейт проглотил кусок чизбургера. По его подбородку стекал мясной сок. Я стерла его бумажной салфеткой.

– Звучит прикольно, – сказал Нейт. – А сценарий у тебя есть?

– Парочка задумок имеется, – ответила Сэралинн. – Но если б ты разрешил мне взять маски и реквизит... круто бы получилось.

– Как насчет кино про вампиров? – предложил Айзек. – Мой кузен работает в медицинской лаборатории. Кровяку ведрами таскать можно.

– Думаю, нужно что-нибудь посложнее, – возразила Сэралинн. – Что-нибудь на тему сверхъестественного.

– Без кровищи все равно никуда, – упорствовал Айзек.

Нейт повернулся ко мне:

– Хочешь поучаствовать, Лиза?

Я пожала плечами:

– Конечно. Почему бы и нет? Но вы же меня знаете. Я с ужасиков не прусь. Ну, не понимаю я их. Что приятного в том, чтобы пугаться?

Нейт вздохнул:

– Ты безнадежна.

– Все любят пугаться, – заявила Сэралинн. – Это заложено в человеческой природе.

– Значит, я не человек, – сказала я. – Я всегда считала ужастики полной чушью.

Нейт сжал мою руку:

– Я покажу тебе пару фильмов, которые изменят твое мнение.

– Сейчас ты услышишь кое-что действительно страшное, – сказала я. – Я улизнула из дома без разрешения. Мне нельзя тут находиться.

Сэралинн положила чизбургер.

– Тебе что, пришлось уходить тайком? Вечер же пятницы. Почему твои предки не хотят тебя отпускать?

– Потому что с придурью оба, – буркнула я. – Мне сейчас положено сидеть в комнате и строчить благодарности всем, кто прислал подарки на мои шестнадцать лет. Можно подумывать, до завтра это не подождет. Будто я им ребенок.

Айзек вытащил из своего чизбургера огурчик и отправил в рот.

– Вот бы мои родаки так ко мне относились, – пробубнил он.

– Это почему? – спросила я.

– Они будто не в курсе, что я вообще существую. Никто не скажет: «Куда собрался, Айзек?» или: «Что поделываешь? Как житуха?». Все, что их заботит, – это успехи в гольфе да приятели по загородному клубу.

– Везет же некоторым, – сказала я. – А мне мои продыху не дают.

Подняла глаза на дверь ресторана... и вскрикнула:

– Ну вот, видали?

В дверях стоял мой отец, из-под его расстегнутой синей толстовки виднелась футболка с эмблемой «Кливлендских Индейцев». Его взлохмаченные каштановые волосы торчали непослушными вихрами. Взгляд его обшаривал зал, пока наконец не остановился на мне. Тяжелым шагом отец прошествовал мимо стайки девушек за столиком, держа курс на нашу кабинку.

– Пап, ты что здесь делаешь?!

На мой возглас повернулось несколько голов.

Папа был высок и хорош собой: рыжевато-каштановые волосы, голубые глаза. Мама говорила, что формой скул и суровым профилем он напоминает Клинта Иствуда в молодости.

Я скорее пошла в маму. Ее родители приехали из Дании. Мы обе светловолосые, белокожие, высокие и стройные.

Не дойдя до кабинки несколько метров, отец остановился, сжимая кулаки. Не подумайте, он не был буйный, просто всегда так делал на нервной почве. Его щеки пылали от гнева.

– Лиза, ты обещала сидеть дома, – сказал папа, не сводя с меня голубых глаз. Думаю, он даже не заметил, что со мной еще кто-то есть.

У меня заколотилось сердце.

Пожалуйста, только не позорь меня перед новыми друзьями...

– Пошли, – скомандовал отец, махнув рукой. – Мама с Морти ждут в машине.

Мне хотелось завопить. Но я заставила себя отвечать спокойно:

– Я вернусь домой потом, папа.

Он покачал головой:

– Нет, сейчас.

Я показала на свою тарелку:

– Я чизбургер не доела.

– Здравствуйте, мистер Брукс, – вмешался Нейт. – Я могу подвезти Лизу домой, когда мы поедем.

Папа наконец отвернулся от меня.

– Спасибо, конечно, Нейт, но мы хотим, чтобы она вернулась домой сейчас. – Он перевел взгляд на Сэралинн и Айзека. – Извините, что прервал ваше застолье.

Он вдруг заметно смутился. Будто понял, что хватил через край. Он не был тираном, мой папа. Обычно он вел себя вполне нормально.

Я решила, что лучше пойду с ним, пока не поднялась бука. Что ни говори, а я и впрямь улизнала тайком. Но вообще-то я давно в состоянии сама решать, когда встречаться с друзьями. Разве эти благодарственные открытки не подождут денек-другой?

Чертыхаясь себе под нос, я протиснулась мимо Нейта и

выбралась из кабинки. На отца я старалась вообще не смотреть.

– Куртку хоть взяла? – спросил он. – На улице ветер.

– Ты еще будешь указывать мне, что носить?

Я помахала друзьям на прощание. Они бросали на меня сочувственные взгляды. Видать, решили, что мой папочка с приветом, раз отправился за мной в ресторан.

В бешенстве я пронеслась мимо отца и выбежала на улицу. Вечер действительно выдался холодный и ветреный. Как будто на дворе стоял март, а не апрель. А я была в топики с длинными рукавами и короткой юбке поверх черных колготок. Ветер отбросил назад мои волосы.

Я нашла наш «камри», припаркованный на углу возле обочины, подбежала к нему и влезла на заднее сиденье. При виде меня Морти отчаянно завилял хвостом и запыхтел как припадочный. Он наскочил на меня и принялся яростно умыwać мое лицо языком.

– Морти, лежать! Отвали! – крикнула я, смеясь. Лицо противно защипало: язык у него как наждачка. – Фу! Морти! Оставь меня в покое!

Морти – здоровый белый пес, наполовину овчарка. Родители подарили мне его на день рождения. Куда мы, туда и он. Он считает себя маленьким щеночком. Вечно прыгает на меня и слюнявит мне лицо языком.

Наконец я отпихнула его и вытерла щеки рукавом.

– Я тобой очень разочарована, – обронила сидевшая впе-

реди мама.

– Подумаешь, – буркнула я, чувствуя, что закипаю. Живот налился тяжестью. Увязаться за мной в ресторан – это беспардонное вторжение в мою личную жизнь. – Мне уже не восемь лет.

– Ну так и веди себя соответственно, – сказала мама, даже не соизволив обернуться. Она всегда разговаривает очень мягко. И никогда не закатывает сцен.

Это у меня характерец будь здоров.

Папа сел за руль и отъехал от тротуара. Он так больше и не проронил ни слова. Взвизгнув шинами, наша машина свернула на Парк-драйв и покатила к дому. Мы живем на Виллидж-роуд, в полумиле от салона, где мама работает парикмахером.

– Сбавь скорость, Джимми, – попросила мама.

– Не учи меня водить, – огрызнулся отец.

Теперь уже мы все друг друга облаивали. А я еще и виновата?

Что-то забарабанило по крыше машины – начался дождь. Прозрачные капли ярко блестели в свете фар встречных автомобилей.

– Сбавь скорость, – процедила мама. – Дорога скользкая.

– Лиза, мы должны быть уверены, что ты заслуживаешь доверия, – начал папа.

– Давно заслуживаю, – сказала я. – Вам никто не давал права...

– Как тебе доверять, когда ты врешь и тайком ускользаешь из дома? – гнул свое папа.

– Тайком – напрасно, – признала я. – Но почему я ускользнула тайком? Потому что от вас спасу нет. Вы перед друзьями меня опозорили. Об этом ты хоть подумал?

– Джимми, ты проскочил на красный, – вмешалась мама. – Смотри на дорогу. Семейный совет потерпит до дома.

– О нет, – простонала я. – Никаких семейных советов. Я... Я осеклась. И как заору:

– Поворачивай! Поворачивай! Я телефон забыла на столике! – Я заколотила кулаками по спинке папиного сиденья. – Поворачивай обратно!

Папа крутанул руль. Машина развернулась.

Закричала мама.

В лобовом стекле вспыхнули ослепительные огни.

Я увидела искрящиеся капли дождя. словно бриллианты, сияющие в ярком свете.

Ощутила мощный толчок. Меня швырнуло вперед, потом назад.

А потом раздался грохот. Оглушительный треск бьющегося стекла и скрежет металла.

В ярком свете я видела, как папина голова дернулась вперед. Видела, как он треснулся лбом о рулевое колесо.

Нас по-прежнему разворачивало. Машина продолжала движение. Казалось, свет окружает нас со всех сторон, швыряя из стороны в сторону, словно океанские волны.

Я видела, как мотнулась папина голова. А потом услышала треск, и поняла, что у него треснул череп. Я знала это. Точно знала.

Я слышала, как раскололась папина голова, видела его рассеченный лоб, видела, как взметнулась фонтаном темная кровь и хлынула по его щекам сплошным потоком.

Моя голова мотнулась вбок. Задняя дверца распахнулась. Вой ветра ворвался в машину. Я увидела, как Морти выскочил на дорогу.

«Морти, вернись...»

А потом обрушилась боль. Она прострелила затылок и разлилась по телу. По груди... по ногам... в голове... Ослепляющая боль.

Я ослепла... Нет... Я умерла.

Яркий свет устремился ввысь. А я тонула... тонула в бездонной мгле.

А потом – свет возвращается.

Бледный, водянистый свет, в котором витают темные формы. Движущиеся пятна. Как будто смотришь в камеру со сбитым объективом.

Слышу ропот голосов – близко, но слишком тихо, чтобы я могла разобрать слова. Смотрю в дрожащий свет, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь за прозрачной завесой.

Стоит моргнуть или сощуриться – нарастает боль. Голова трещит. Чувствую ломоту в висках. Пытаюсь повернуть голову, но острая вспышка боли заставляет меня замереть.

– Еще? – доносится откуда-то сзади женский голос. – Там и так почти на пределе.

Только теперь я понимаю, что лежу в кровати.

Точнее, на больничной койке.

Свет вздымается, пульсируя, и начинает меркнуть. Набегает волна. Над водою розовеет вечернее небо.

Я лежу на берегу, любясь закатом.

Нет. Все не так. Мысли путаются...

Я лежала на спине, следя за кругами света на потолке. Да. Усилием воли я сфокусировала взгляд.

И тогда только разглядела толстую оранжевую трубку, уходящую в мое запястье. Узкое окошко с наполовину опущенными жалюзи. Собственные руки, вытянутые вдоль ту-

ловища на белоснежной льняной простыне.

Не обращая внимания на боль, я повернула голову, увидела кровать напротив. И ахнула, когда в поле зрения возник отец. Да. Теперь я вспомнила аварию. Грохот и звон сминаемого металла и бьющегося стекла, страшный удар.

Я вспомнила... А теперь отец сидел на койке напротив меня. Он то вплывал в фокус, то выплывал, то обрисовывался четко, то расплывался мутным пятном. Его голова... склонилась вперед. Алая кровь струилась по лицу.

А рулевое колесо...

Рулевое колесо было вбито ему в лоб.

Руль торчал из его головы. Кровь забрызгала все вокруг и собиралась в лужицы на полу.

Отец не двигался. Так и сидел на койке, склонившись вперед, с забрызганным кровью рулем, торчащим из головы.

Где же медсестры? Где врачи?

Я отвернулась. Не могла на это смотреть. Разинув рот, я заревела в ужасе:

– Помогите ему! Кто-нибудь, помогите ему!

От отчаянных криков у меня разболелось горло. Комната бешено закружилась.

В поле зрения всплыло мамино лицо. Оно выглядело бледнее обычного, словно вместо кожи ее скулы были обтянуты белой бумагой.

– Мама?

Она несколько раз моргнула. В ее глазах стояли слезы.

– Лиза? Очнулась? О, слава богу!

Приподняв голову, я увидела, что сзади к маме подошел седой мужчина в белом халате и с блокнотом в руке. На груди доктора болтался стетоскоп.

– Папа! – закричала я. – Позаботьтесь о папе!

Никто даже не обернулся. Оба смотрели на меня.

Я перевела взгляд на кровать напротив.

– Папа?

На кровати никого не было.

Мама положила руку мне на плечо.

– Лиза, почему ты кричала? – Тут я заметила, что другая ее рука закована в гипс и висит на перевязи.

– Я... мне показалось, что я видела папу, – пробормотала я. Комната снова закружилась перед глазами. – На той кровати. Так отчетливо... Он истекал кровью. Голову опустил, а кровь так и хлещет... и никто ему не помог. Никто.

Седовласый отстранил маму. Он смотрел на меня серебристыми глазами сквозь стекла очков в черной оправе. Мохнатые брови домиком напоминали пару толстых белых гусиных.

– Я доктор Марино, – представился он. – Рад, что ты так быстро пришла в себя, Лиза. Вчера вечером ты еще находилась в бессознательном состоянии.

– Я была без сознания? – Я бросила взгляд в окно. Сквозь открытую нижнюю половину струился оранжевый солнечный свет. Лучи заходящего солнца?

– У тебя тяжелое сотрясение, – продолжал доктор Марино. Его дыхание пахло кофе, в глазах и в стеклах очков играли блики света. – Какое-то время тебя, вероятно, будут преследовать ночные кошмары и даже галлюцинации. Твой мозг перенес серьезную встряску.

Я зажмурилась. Все болело. Все тело. Даже веки.

– Галлюцинации? – переспросила я, снова открыв глаза. – То есть как сейчас, когда я увидела папу?

Доктор кивнул. Рядом с ним всхлипнула мама. И тут же умолкла. Она предпочитает не показывать чувств. Про таких вроде говорят: «характер стойкий, нордический».

– Я была уверена, что вижу его. – У меня вдруг сдавило горло. – Не могу поверить, что мне все почудилось.

– Мы подержим тебя здесь немного, – сказал доктор Марино. – Где-то с недельку или чуть подольше. Нельзя исключить внутренних кровоизлияний. Придется понаблю-

дать. Тебя также могут мучить и другие галлюцинации – должен сразу предупредить.

Я слушала его вполуха. Врач по-прежнему то появлялся, то пропадал. Казалось, его брови шевелятся сами, будто живые.

Я повернула голову к маме.

– А... папа? Где папа? Он в порядке?

Мама закусила нижнюю губу. Прежде чем ответить, она тяжело вздохнула.

– Нет, Лиза. Мне очень жаль, – прошептала она. – Он... он не в порядке.

Часть вторая

6

Не хочу описывать неделю в больнице. То было время тоски, головных болей, отчаяния, страданий, слез и кошмарных снов. В первый раз, когда мне разрешили сходить в уборную на другой стороне коридора, я вдруг обнаружила, что пол превратился в болотно-зеленую топь. Пузырящаяся горячая жижа облепила подошвы моих тонких больничных тапочек. Я с ужасом смотрела, как слизь стремительно взбирается по лодыжкам...

Я запрыгала на месте, лихорадочно пытаюсь соскрести с ног зеленую дрянь.

– Она не сходит! Не сходит! – вопила я.

Мне на выручку явились две медсестры: взяли под белы ручки и водворили, дрожащую и бьющуюся в истерику, обратно в кровать.

– Я всегда буду так чудить? – спросила я одну из них – высокую, чернокожую и такую крепкую, что она безо всякого труда подняла меня на руки и уложила в постель.

– Нет здоровых людей, есть необследованные, – добродушно отозвалась медсестра. Голос у нее оказался на удивление высокий и мягкий. – Все у тебя образуется. Нужно

время.

Не шибко-то я ей поверила.

В больнице у меня только время и было: время, чтобы пялиться в потолок и думать о папе. Мама установила над моей кроватью телевизор. Но единственный раз включив его, я наткнулась на рекламу собачьего корма и разревелась, потому что Морти выскочил из машины и потерялся. Я выключила телевизор и больше не включала.

Друзья и знакомые слали открытки с соболезнованиями и ободрениями. Кузины из Вермонта отправили мне огромный букет белых и желтых лилий. Их насыщенный аромат наполнил палату, и я расчихалась. Очевидно, у меня аллергия на лилии. Пришлось убрать.

Но какая разница?

Одолевали и другие горестные мысли, которые я при всем желании не сумела бы описать. Вы, наверное, назвали бы их сумрачными.

Когда я сразу после выписки сидела на заднем сиденье непривычной еще новой машины, которую вела мама, все казалось мне слишком ярким. Я держала голову опущенной, дожидаясь, когда глаза привыкнут. Но привыкать они не хотели, и все мне виделось в ослепительном световом ореоле.

– Мам, как ты можешь вести машину одной рукой? – От затянувшегося молчания голос у меня сел. Я потеряла правое запястье. Оно ныло там, где недавно была вставлена трубка. От нее остался круглый кровоподтек.

Мама не отвечала.

Я прикрыла глаза рукой. Солнечный свет тоже казался теперь слишком ярким. Подумала: может, солнечные очки надеть? Мы выехали с больничной парковки и уже через несколько минут мчались по узеньким улочкам Олд-Виллидж.

Мне бы радоваться. Наконец-то свобода! Я еду домой. Но радость отняла бы слишком много сил. Я развалилась на сиденье. Тело одеревенело. Знаете, как бывает, когда отсидишь ногу? А у меня так было во всем теле.

– Мам, ты как?

По-прежнему прикрывая глаза рукой, я глянула в лобовое стекло – и дико вскрикнула, увидев большого белого пса, который трусил через дорогу.

– Мама, стой! Останови машину! Смотри, это же Морти!

Но мы мчались дальше. Мама вывернула руль влево.

– Нет, мама! Ты его собьешь! Мама, тормози! Пожалуйста! –

Она вдавила ногой педаль газа. Машина рванула вперед. Я увидела несущийся навстречу автомобиль. Темно-синий джип скалился клыками хромированного радиатора. В уши мне ворвался захлебывающийся вой клаксона.

А потом страшный удар сзади швырнул меня на спинку переднего сиденья.

О нет! Не-е-ет! Только не снова!

Я отлетела назад. На моих глазах мамина голова ударилась

о рулевое колесо. И не отскочила. Мама так и осталась лежать головой на руле, свесив руки вдоль туловища.

Кровавый фонтан ударил из ее головы, окропив лобовое стекло красными брызгами.

Только не снова. Только не снова.

Машина опять пришла в движение. Мама, навалившаяся на рулевое колесо, не подавала признаков жизни. Но автомобиль с ревом сорвался с места. Я ничего не видела сквозь засыхающую на стекле кровь.

Потянувшись через спинку сиденья, я схватила маму за плечи и затрясла, затрясла что было силы.

– Очнись! Пожалуйста! Останови машину! Ты должна остановить машину!

И тогда ее голова медленно повернулась ко мне. И оказалось, что передо мною уже не мама. Папа ласково улыбался мне, мой бедный папа с развороченным черепом, ухмыляющийся мертвец...

От сильного рывка я открыла глаза и увидела маму, трясущую меня за плечо.

– Просыпайся, Лиза. Ну же. Просыпайся, – напряженно шептала она.

Занавески раздувались на ветру. За ними темнело небо. Еще не рассвело.

Я заморгала, пытаясь избавиться от видения разможенной папиной головы.

– Опять кошмар, – покачала головой мама. Ее светлые волосы прилипли к вспотевшей щеке. Она разгладила свою длинную ночную сорочку. Рука ее по-прежнему лежала у меня на плече.

Я хотела что-то сказать, но горло у меня до сих пор было забито спросонья.

Мама зажгла голубую лампу на прикроватном столике. Я отвернулась от яркого света.

– Ты дома уже неделю, а тебе до сих пор снятся кошмары, – проговорила она. – Когда тебе на прием?

– К доктору Шейн? Не помню, – пробормотала я, приглаживая руками волосы. Я была вся в испарине. – Все тот же кошмар. Я была в машине и снова увидела папу.

Мама вздохнула. В ярком свете лампы она вдруг показалась мне ужасно постаревшей.

– Доктор Шейн говорит, что всему свое время.

– Но, мам, мне не становится лучше. Я везде вижу папу и Морти. – Поднявшись с пропотевших простыней, я села на постели и поежилась. – Кошмары, глюки... Я больна на всю голову.

– Ты же знаешь, что это не так. Что это не навсегда. Уверена, со временем...

– Мама, я правда считаю, что мне станет лучше, если я вернусь в школу.

Мама опять вздохнула:

– Сейчас четыре утра. Знаю, у тебя выдалась страшная ночь. Обязательно снова поднимать эту тему?

– Тут нечего обсуждать. Я просто хочу вернуться в школу. Я... я до сих пор не виделась ни с кем из друзей. А все потому, что ты твердишь, будто я еще не готова.

– Это не я, – отрезала мама. – Это доктор Шейн говорит. А она опытный психиатр.

– Ну мам...

– Я считаю, что к ее советам стоит прислушаться, а ты? Понимаю, как тебе тяжело. Но ей кажется, что ты должна преодолеть свое горе, свое чувство вины, прежде чем сможешь вернуться к нормальной жизни.

– Надо же, мам, какая сложная фраза. Весь день заучивала?

Она отступила на шаг. Я поняла, что больно задела ее. А ведь я не хотела так злобно язвить.

Откуда это во мне?

Возможно, доктор Шейн права. Возможно, я еще не готова к общению с людьми.

Положусь на ее мнение, решила я. Она так здорово все разложила по полочкам. Что она скажет, то и буду делать.

– Прости, мама, – выпалила я. – Я не хотела...

– Давай ложиться, – перебила она.

* * *

На следующий день – серый, пасмурный день субботы – в небе сгустились тяжелые грозовые тучи. Мир за окном гостиной сделался сумрачным, под стать моему настроению.

За завтраком мама сказала, что ничего не имеет против, если заглянет Нейт, и после одиннадцати он действительно заглянул. Я встретила его неуклюжим объятием. Он заметно нервничал.

– Привет, – сказал он. – Хорошо выглядишь.

– Лжец, – буркнула я. От недосыпа у меня под глазами темнели круги. Вдобавок я скинула кило пять. Аппетита не было никакого.

Мы сели в невысокие кожаные кресла друг напротив друга. Нейт не сводил с меня глаз, будто видел впервые. И постукивал носком правой ноги, выдавая нервность.

Мы переписывались и говорили по скайпу, но быть вместе в одной комнате – совсем другое дело. Конечно, я обра-

довалась его приходу. Но заговорить было трудно. Как будто кто-то возвел между нами высокий забор и мы пытались общаться через него.

– Соболезную из-за отца, – произнес Нейт, упершись взглядом в белый ковер под ногами.

Мне следовало сказать «спасибо», на худой конец – молча кивнуть. А я вдруг почувствовала прилив злости.

– Я не могу об этом говорить, – произнесла я срывающимся голосом. – Мой папа умер, и это целиком на моей совести.

Нейт вздрогнул. Словно я ударила его.

– Прости, – забормотала я. – Прости. Прости. Прости.

– Это неправда, – сказал он наконец. – Ты не виновата, Лиза. За рулем сидел он, а не ты. В аварию попал тоже он. Не нужно себя винить.

– Ха, – бросила я с горечью.

Зазвонил телефон. Я услышала, как мама бежит на кухню взять трубку.

Я встала и пересела к Нейту на колени. Подумала, что, если мы немножко пообнимаемся, это меня взбодрит.

Нейт обнял меня одной рукой. Я уткнулась лицом в его щеку. На кухне мама разговаривала по телефону.

– Стоит кому-то позвонить, я думаю, что нашелся Морти, – вздохнула я. – Бедный мой пес. Выскочил из машины – и с концами. Так перепугался. Уже почти две недели, как...

Нейт крепче прижал меня к себе.

– Он вернется, Лиза.

Оттолкнув его руку, я вскочила.

– Ну все! Хватит меня подбадривать. Ты о чем вообще?

Не видишь, что моя жизнь кончена?

Он разинул рот.

Я потрясла кулаками:

– Я убила своего отца, Нейт! Как мне теперь с этим жить?

Он смотрел на меня из кресла. Глаза у него забегали. Нейт напряженно думал. Не знал, как со мной быть.

Да и кто бы знал? Я понимала, что веду себя безобразно, но ничего не могла поделать.

Он положил руки на подлокотники. Наверное, хотел встать, чтобы уйти.

Но тут в дверь позвонили, застав нас обоих врасплох. И залаяла собака.

– Нейт, это же Морти! – Я рывком подняла его на ноги. – Кто-то нашел Морти!

Мы вместе бросились открывать. Я распахнула дверь и раскинула руки, чтобы обнять моего дорогого пса.

Стоявший на крыльце паренек был одет в черную жилетку поверх белой футболки и мешковатые джинсы. На голове у него красовалась желто-зеленая кепка с эмблемой «Deere & Company»², натянутая на лоб. Загорелые щеки поросли темной щетиной.

– Я прочел в Интернете ваше объявление о пропавшей собаке, – сказал он. – Нашел ее у себя на заднем дворе и...

– Но это не моя собака! – вскричала я. – Это не Морти!

Нейт положил руку мне на плечо, словно хотел успокоить.

– Собака не та, – спокойно объяснил он парню.

Пес заискивающе поглядывал на меня, тихонько пыхтя. Какая-то помесь бульдога с носорогом. Он поджимал хвост. В серой шерсти на спине виднелась проплешина.

Паренек взглянул на меня, потом на собаку.

– Вы уверены?

– Да конечно уверена, – огрызнулась я. Мне хотелось захлопнуть дверь перед его носом, чтобы не видеть этого несчастного кабысдоха. Мне нужен был Морти.

– Кто там, дорогая? – крикнула мама из глубины дома.

– Никто! – рявкнула я в ответ.

² Deere & Company (произносится «Дир энд кампани») – американская машиностроительная компания, выпускающая сельскохозяйственную, строительную и лесозаготовительную технику.

– Извините, – промямлил парень. – Я думал, может быть...

– Спасибо, что попытались, – перебил Нейт.

Я захлопнула дверь. На деревянных ногах вернулась в гостиную – каждый мускул был натянут как струна. Сама нервозность.

Из окна гостиной я видела, как парень ведет псинку вниз по дорожке. Оба шли повесив голову, причем на лице парня и на собачьей морде застыло одинаково скорбное выражение. Забавная фотка бы получилась – будь мне сейчас до забав.

Нейт обнял меня за талию и начал целовать; его волосы свесились ему на лоб. Я вздрогнула, прервав поцелуй. И покачала головой:

– Извини, Нейт. Из меня сейчас неважный собеседник. Правда. Тебе лучше уйти.

* * *

Посреди ночи я резко села в кровати, услышав собачий вой за окном. Все еще витая в причудливом состоянии между сном и явью, я тем не менее поняла, что это происходит на самом деле.

Окно было открыто наполовину. Занавески висели неподвижно. Ни малейшего ветерка. Выбравшись из постели, я увидела за окном темное небо, в котором мерцали мириады

звезд.

Я надела кроссовки, не потрудившись завязать шнурки. Отыскала в шкафу джинсовую куртку. Натягивая ее, я снова услышала, как завyla собака. Долгим печальным воем.

– Морти? Я иду, Морти.

На цыпочках спустилась по лестнице. Ступеньки поскрипывали под ногами. Дом был погружен в темноту. Пахло попкорном, которым мы с мамой перекусили на ночь, пока смотрели по телику какую-то дурацкую комедию.

Двигаясь бесшумно, я прокралась к задней двери, пересекла мокрую от росы лужайку и вошла в раскинувшийся сразу за домом лес.

Снова завyla собака. Похоже, что близко. Совсем близко. У меня заколотилось сердце.

В вышине сияла полная луна. На небе – ни облачка. Сквозь ветви деревьев, не покрывшихся еще весенней листвой, подмигивали огоньки звезд.

В лунном свете, в сиянии звезд весь мир серебрился, будто в волшебной сказке.

От ночной прохлады моя кожа пошла мурашками. Я потуже запахнула джинсовку. И напряженно прислушалась.

– Морти, ты где? Я иду, Морти!

Снова раздался вой. А потом среди посеребренных луною деревьев скользнула какая-то тень. Темный бегущий силуэт.

Вот он приблизился, и я едва не закричала.

Передо мною была неведомая тварь.

Я вцепилась в ствол дерева и обхватила его руками, чтобы удержаться на ногах. В свете луны я видела, как это нечто рысит через лес.

Существо бежало на двух ногах, выпрямившись, как человек. Оно было обнажено до пояса, и даже при столь причудливом освещении я видела неестественные очертания его тела – коренастого, с костлявыми руками и длинными пальцами, почти безволосой головой и горящими красными глазами. Вот оно на мгновение замерло на границе света и тьмы, и я разглядела его лицо – безобразное, искаженное, нечеловеческое. Уши стояли торчком, как у дикого кабана, скулы торчали по бокам вытянутой звериной морды. Приоткрытая пасть обнажала два ряда длинных заостренных клыков.

Крепко обнимая руками холодный, шершавый древесный ствол, я вдруг поняла, что снова вижу сон. Очередной кошмар. Бывает так, знаете, когда спишь и прекрасно понимаешь, что тебе все снится.

Просыпайся. Просыпайся, Лиза.

Почему я никак не могу проснуться?

Чудовище издало отвратительный рык. Оно устремилось ко мне, расплылось на мгновение смазанным пятном и снова сгустилось в темный силуэт с горящими рубиновыми глазами. А потом и вовсе растаяло во мраке.

Да было ли оно на самом деле?

Просыпайся, Лиза. Скорее. Хватит этого кошмара.

Но спасения не было. Я услышала чей-то стон. А потом

темная фигура налетела на меня, схватила за плечи, затрясла, выкрикивая мое имя...

– Пусти! – заорала я, зажмурившись. – Отцепись от меня!

– Лиза, ты что здесь делаешь?

Открыв глаза, я увидела маму – растрепанную, в плаще, накинутом поверх халата. Зловещий свет луны отражался в ее дико вытаращенных глазах, подбородок дрожал. Ее всю колотило.

– Что ты тут делаешь?! Зачем тебя среди ночи понесло в лес?! Я с ума схожу! С ног сбилась всюду тебя искать!

Я упала ей на грудь. Так и стояла, прислонившись к маме, обнимая ее, прижимаясь головой к ее груди.

– Лиза? Ты можешь говорить? Ты в порядке? – Ее голос дрожал.

Я выпрямилась, ощущая кожей мамино тепло.

– Я думала... я думала, что сплю. Я увидела какую-то тварь. Отвратительную тварь, получеловека, она бегала в темноте, мама! Я как увидела, сразу подумала, что это должен быть сон...

В глазах у мамы дрожали слезы. В свете луны они блестели словно жемчужины.

– Но ты же не спишь, Лиза. Оглядись. Ты в лесу.

Я осмотрелась. От прохладного ночного воздуха меня зазнобило. Я обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

– Я что, хожу во сне?

Помолчав, мама сказала:

– По всей видимости, да.

– Это уже что-то новенькое, – проворчала я, закатывая глаза. – Мало мне ночных кошмаров, буду теперь по лесам шарашиться, как лунатик. – Я устало вздохнула. – Ладно хоть одеться мозгов хватило, а не бегать голышом по округе. Уже что-то, верно?

Я хотела, чтобы мама улыбнулась. Горько было видеть слезы в ее глазах. Она никогда не отличалась излишней чувствительностью. Не пристало ей плакать.

Но она не улыбнулась и не ответила. Не говоря больше ни слова, я взяла ее за руку, и мы пошли к дому. Пройдя несколько шагов, я вдруг остановилась как вкопанная.

Мама споткнулась, но удержала равновесие.

– Лиза? В чем дело?

– А как же та тварь? – спросила я. – Она тоже была на самом деле?

– Нет, конечно, – тихо ответила мама.

– Но как это понимать? Значит, я ходила во сне и одновременно видела кошмар? – Я вздохнула. – Неужели я теперь всегда буду такой сумасшедшей, мама?

– Ты не сумасшедшая, – прошептала она. – Не говори так.

– Но я буду снова нормальной? Буду или нет?

Она пошла дальше и скрылась в темноте. Я не видела выражения ее лица. Не слышала, что она прошептала в ответ. Мой вопрос повис в воздухе.

Я проспала все утро и проснулась бодрой, полной сил. Думая, чем бы заняться днем, я вспомнила, что сегодня у меня встреча с доктором Шейн. Перед этим я хотела заглянуть к Нейту и попросить прощения за вчерашний холодный прием.

Мама, естественно, считала, что это слишком большая нагрузка.

– А почему бы тебе не пригласить его сюда? – спросила она.

– Мама, – сказала я, – я вполне смогу пройти три квартала. Честное слово. Позволь уже мне заниматься привычными делами. Только так я вернусь к нормальной жизни.

Я не кричала, не упрасивала. Я говорила спокойно и тихо, и, думаю, последний довод убедил ее.

– Пожалуй, ты права. Давай. Иди к Нейту. Выгляни из дома на пару часиков. Не хочу тебе мешать. Давай посмотрим, как ты справишься.

На пару часиков? Она обходилась со мной как с психической. Но какая разница? Своего-то я добилась. Так что я скинула Нейту эсэмэску, что скоро приду.

Стоял теплый весенний день. Я надела голубой топик с длинными рукавами и джинсовые шорты.

– Куда без куртки! – крикнула мама с кухни.

– Обойдусь! – рывкнула я в ответ.

– Не забудь, тебе назначено у доктора Шейн!

– Не забуду! – Я вышла из дома, шурясь от солнца, и сделала глубокий вдох. Воздух благоухал свежестью.

На кизилowych деревьях, что росли во дворе Миллеров через дорогу, только-только распустились белые цветочки. На соседской подъездной дорожке перекидывались бейсбольным мячом двое мальчишек. Когда я спускалась к улице, они помахали мне.

По нашей лужайке давно плакала газонокосилка. Все заросло сорняками, а сухие листья никто не сгребал. Папа всегда заботился об этом, а маме теперь, видно, не до того.

Я пересекла Пайнс-роуд. Прогрохотал внедорожник, набитый детворой в футбольной форме. Дома в этом районе были большие, с широкими покатыми лужайками. Я увидела двух малиновок, которые вцепились в жирного дождевого червяка, устроив настоящее перетягивание каната.

Да, был чудесный весенний денек, и я от души наслаждалась прогулкой, чувствуя, что снова становлюсь человеком, что готова к встрече с окружающим миром, готова жить дальше. Просто жить.

Так было, пока я не дошла до дома Нейта. Там меня буквально швырнуло обратно... обратно в мир ужаса.

Нейт живет в длинном доме из красного дерева в стиле ранчо с фиолетовыми ставнями на окнах. Фиолетовые ставни – идея его отца. Папаша Нейта – эдакий старый хиппи, строит из себя крутого. По профессии он страховщик, а на досуге играет джаз и неплохо рисует.

Мама у Нейта высокая, стройная и очень красивая, как домохозяйки в старых ситкоммах. Она любит поболтать и посплетничать, но, в сущности – добрейшая душа. Еще у Нейта есть младший брат, Тим, который мог бы сойти за его клона, но с ним я знакома шапочно.

Вообще-то у них почти вся семья будто из одной пробирки. Все, кроме отца, высокие и стройные, с прямыми темными волосами и темными же глазами.

Я поднялась к дому Нейта. В конце дорожки стояла красная «тойота» главы семейства. Солнце отражалось в панорамном окне, отчего стекла сияли золотом. Я свернула к парадному крыльцу, но остановилась, услышав голоса. На заднем дворе?

Да. Я прошла вдоль стены гаража, перешагнув по дороге через свернутый садовый шланг. Из окна кухни тянуло чем-то сладким. Миссис Бейкер – мастерица готовить.

Двор Нейта обнесен высокой стеной живой изгороди. Я увидела ряд кустов, их листья поблескивали на солнце. А по-

том до меня донесся крик.

Миновав гараж, я вышла на заднюю лужайку. И взвизгнула при виде омерзительной зеленой твари. Демона. Прямым из моего кошмара. Только этот был реален, так же реален, как трава у меня под ногами, как голубое небо над головой, как серая белка, которая скачками улепетывала с его пути.

Зеленое страшилище выскочило из тени кустов и рвануло через двор. Я увидела Сэралинн, стоявшую к чудовищу спиной.

У меня не было времени предупредить ее. Я пыталась закричать, но не могла издать ни звука.

Не было времени. Не было времени.

Тварь словно выбралась из фильма ужасов – загребушие трехпалые руки, круглая башка, ряды длинных острых зубов, торчащих из пасти, истощенное зеленое тело без нитки одежды...

Не добежав до Сэралинн пары метров, чудище обернулось. Оно увидело меня! Отвернувшись от моей подруги, оно галопом помчалось ко мне, рыча и сминая траву огромными босыми ногами.

Я и глазом не успела моргнуть, как чудище настигло меня – и обхватило за талию.

Я заорала благим матом.

– Ты идиот! – орала я. – Тупорылый идиот!

Хохоча, Нейт сдернул с головы зеленую маску монстра.

Его промокшие от пота темные волосы облепили лоб.

– Ну что, Лиза, напугал?

Я стукнула его кулаками в резиновую грудь.

– Как ты мог так со мной поступить? По-твоему, это смешно?

– Ой. Прости, – стушевался он. – Не подумал. Прости.

– Ты нам сцену заporола, – раздался чей-то голос у меня за спиной. Оглянувшись, я увидела Айзека с небольшой видеокамерой в руке. – Придется начинать сначала.

– Какая жалость, – буркнула я. – Поверить не могу, что ты так со мной обошелся, Нейт. Особенно после того... после того, как...

Он хотел обнять меня зеленой рукой за плечи, но я попятилась.

– Я немного увлекся, – сказал он. – Мне, наверное, слишком понравилось быть демоном.

– Прости нас, – добавила Сэралинн, покосившись на Нейта. – Просто мы уже много дней работаем над моим ужасником.

– Как тебе костюмчик? – спросил Нейт, гордо постучав кулаком в зеленую грудь. – Его на самом деле использовали

для съемок ужастика на «Юниверсал» в пятидесятых. Он из моей коллекции.

– Знаешь, Нейт, снимайся-ка ты без маски, – посоветовал Айзек. – Твоя рожа куда страшнее.

Сэралинн обняла меня рукой за талию.

– Лиза, прости нас. Нейт бывает идиотом.

– Ты не понимаешь, – сказала я Нейту. – Последнее время я от собственной тени шарахаюсь. Вчера ночью мне приснилось бегающее по лесу чудовище. А теперь, теперь, когда я увидела, как ты бежишь ко мне в этом костюме... – Мой голос прервался.

Сэралинн по-прежнему обнимала меня.

– Мы знаем, что тебе пришлось тяжело, – сказала она.

Я глубоко вздохнула и усилием воли подавила дрожь.

– Я перестану чудить, – заявила я. – Обещаю. Снова стану самой собой. Вот увидите.

– Айда ко мне? – предложил Нейт.

– Остальное нужно доснять ночью, – сказал Айзек. – На улице сейчас слишком хорошо, чтобы жуть нагонять.

Я пошла к дому следом за ними. Мне здорово полегчало. Все-таки они и впрямь друзья что надо. Другие ребята могли бы и на смех поднять, а то и задразнить на тему «замордовали демоны». А они всячески показывали, что со мной все нормально.

Мы с Нейтом шли вдоль стены гаража.

– Я достал новый ужастик, – сообщил он. – «Моя кровавая

жреческая свадьба». Смотрела?

– Нет, конечно, – буркнула я.

– Говорят, прикольный, – заметил Айзек.

– Давайте его посмотрим, – сказала Сэралинн. – Нейт, что насчет перекусона?

Я подошла к кухонной двери. В окно я увидела маму Нейта, достающую что-то из духовки. Над задним двором плыл запах шоколада.

– Я не смогу остаться, – вдруг вспомнила я.

– Извини, – сказал Нейт, сжав мою руку. – Зря, наверно, я предложил посмотреть ужастик. Не подумал.

– Да не в том дело. Я спешу к доктору на прием. Просто забежала извиниться. Ну, знаешь, за вчерашнее. Я вела себя как стерва. Мне правда жаль. Я...

– И как доктор, помогает? – спросила Сэралинн.

– Она замечательная. Очень чуткая. Благодаря ей я чувствую, что со всем справлюсь.

– Здорово, что у тебя есть кто-то, чтобы поговорить по душам, – сказала Сэралинн.

Айзек отчаянно жестикулировал у нее за спиной, пытаясь привлечь мое внимание. Я повернулась к нему.

– Да-да?

– Слушай, у меня классная идея, – сказал он. – Почему бы тебе не прийти на выступление моей группы в «Оранжеее» в пятницу вечером? Мы, конечно, полный отстой, но, может, это тебя отвлечет.

– Ага. Может быть, – сказала я.

Если честно, мне это вовсе не улыбалось. Со времени катастрофы я виделась только с тремя своими друзьями. И больше ни с кем из школы.

А если я приду на выступление Айзека, ребята станут меня жалеть, пялиться, бросать сочувственные взгляды, соболезновать... Понятно, что из наилучших побуждений. Но я все равно не вынесу. Рано или поздно их сочувствие и внимание меня доконают.

– Ну так что, придешь? – спросил Айзек.

– Ну... я спрошу доктора Шейн, стоит ли, – сказала я.

Нейт оттянул ворот резинового костюма.

– Надо выбираться из этой штуковины, – простонал он. – В ней градусов двести.

Я взглянула на смятую маску демона в его руке и сказала:

– Из тебя получился шикарный монстр.

Нейт почему-то покраснел. Потом криво улыбнулся.

– На самом деле это моя истинная сущность. – Его щеки по-прежнему заливал румянец.

Я обратила внимание, что Сэралинн метнула на него взгляд украдкой. Как будто ему не следовало так шутить.

«Что происходит между этими двумя? – подумала я. – Или я чего-то не понимаю? Может, они больше, чем просто друзья?»

Я подметила за доктором Шейн одну странную привычку. У нее на столе, возле телефона, стоит белый стаканчик с карандашами. И во время наших бесед она грызет ластики. К тому времени как прием подходит к концу, она сгрызает ластик напрочь. Никогда не видела, чтобы она что-то выплевывала. По-моему, она их глотает.

Странно, правда?

Вероятно, это просто навязчивая привычка. Не считая сгрызания ластика, доктор Шейн самый нормальный, самый приятный, самый чудесный, душевный и понимающий человек на свете. Честное слово, без ее помощи я бы не сдюжила.

Значит, сидела я в красном кожаном кресле перед ее широким стеклянным столом. Мои ладони вспотели и оставляли на подлокотниках влажные следы. Я без конца скрещивала ноги то так, то эдак.

Да, доктор Шейн всегда понимала меня и никогда не осуждала. Но именно поэтому я всегда нервничала, рассказывая о своих безумных видениях или выходках. Я очень хотела убедить ее в том, что иду на поправку, даром что сама в это не верила.

Лучи солнца заливали окно за спиной доктора Шейн золотистым светом, отчего ее короткие светлые волосы сияли.

Ее ярко-голубые глаза обычно скрыты за стеклами очков без оправы, а лицо всегда дружелюбное, хотя улыбается она редко.

Когда мы беседуем, она наклоняется вперед, не сводя с меня глаз и сложив руки на стеклянной крышке стола. На нем, кстати, ничего лишнего – только красный телефон, упомянутый стаканчик с карандашами, серебряные часики, фотография лабрадора в рамочке и блокнот, в котором доктор Шейн делает пометки.

– Ну что, Лиза, выкладывай, что вчера ночью было, – произнесла она. Голос у нее мягкий, почти шепчущий. Иногда я сама вынуждена подаваться вперед, чтобы расслышать, что она говорит. – Какая-то ты сегодня неразговорчивая. Тебя что-то особенно беспокоит?

– Не совсем. – Я покосилась на огромную картину на стене: песчаный пляж, омываемый волнами прибоя. – То есть ничего особенного. Просто...

Она покатала в пальцах карандаш.

– Просто... что?

– Ну, я, кажется, ходила во сне, – начала я. – Думаю, мне снился сон. Меня разбудил какой-то звук. Вой животного. И я пошла в лес.

Я сглотнула.

– Ты пошла в лес во сне? – уточнила доктор Шейн.

– Мама нашла меня и растолкала, – продолжала я. – Но перед этим я успела увидеть что-то страшное. Чудовище. На-

половину человек, наполовину... в общем, чудовище. Очень странное и уродливое.

– Ты его ясно видела? – тихо спросила она. – Ты убегала? Оно гналось за тобой?

– Н-нет. Оно исчезло в лесу. – Мой голос дрогнул. – У меня что, совсем едет крыша? Почему я вижу всю эту дрянь? Я в жизни не ходила во сне. Я хочу сказать... неужели мне становится хуже?

Отложив карандаш, доктор Шейн показала на бутылку минералки у меня на коленях.

– Выпей воды, Лиза. Ты сама себя накручиваешь. Мы уже обсуждали с тобою этот процесс.

– Знаю, но...

Она пригладила ладонью волосы.

– Ухудшений у тебя нет. Как мы уже говорили, выздоровление – процесс небыстрый. Но главное, что нужно помнить, – это что тебе становится лучше. Ты вернешься в норму, и все симптомы как рукой снимет.

Я слышала ее слова, но не могла сосредоточиться на них. Перед моим мысленным взором возник темный силуэт той твари в лесу. Я содрогнулась, вновь, будто наяву, ощутив сырую стылость ночной чащи.

– Я понимаю, почему мне мерещится Морти, – сказала я, – и почему мне кажется, будто я вижу отца. Мы уже говорили о моем чувстве вины, из-за которого они появляются. Но, доктор Шейн, откуда демон-то взялся?

– Вероятно, какие-то твои внутренние демоны рвутся на волю. – Она похлопала руками по крышке стола. – Для того, кто, как ты, Лиза, пережил катастрофу, в таких симптомах нет ничего необычного.

– Но как их остановить? – Я чуть не сорвалась на крик. Бутылка с водой скатилась с коленей, и я нагнулась за нею.

– Разговорами, – сказала доктор Шейн. – Мы продолжим наши беседы, и с каждой неделей ты будешь замечать улучшения. Обещаю.

– Мне нравится с вами говорить, – призналась я. – То есть... благодаря вам я уже чувствую себя лучше.

На это она улыбнулась и черкнула несколько слов в своем желтом блокноте.

– У меня есть для тебя несколько предложений, чтобы дело пошло быстрее. – Доктор Шейн покрутила изящные золотые часики на запястье. – Для начала, с понедельника отправляйся в школу.

– Правда? – воскликнула я, готовая лопнуть от счастья.

Она кивнула.

– Тебе будет полезно вернуться к друзьям, в привычную обстановку. А учеба отвлечет от навязчивых мыслей.

– О, спасибо. Я и сама хотела. Но мама...

– Также я считаю, что тебе необходимо что-то еще, чтобы занять мысли, – продолжала доктор Шейн.

Я нахмурилась:

– Не поняла. Вы про хобби какое-нибудь? Или работу по-

сле занятий?

Доктор Шейн постучала по губам ластиком карандаша:

– Как думаешь, ты готова работать после школы?

Я пожала плечами.

– Да, наверное. И деньги бы не помешали, пока мама на работу не выйдет.

– А какую ты хочешь работу, Лиза? Тебе приходилось работать дома, в Шейкер-Хайтс?

– Ну-у... – задумалась я. – Не особенно. Работы у меня не было. Но... я часто сидела с чужими детьми.

Ее глаза за стеклами очков расширились.

– Сидела с детьми? Серьезно?

– Да, я отлично лажу с детьми. И люблю о них заботиться. Я заботилась о моем кузене Стивене, пока его семья не переехала в Санта-Барбару.

Доктор Шейн кивнула.

– А что, это идея. Возможно, уход за кем-то поможет тебе отвлечься от собственных проблем.

Она выдвинула ящик стола.

– Знаешь что? Раз уж об этом зашла речь, я могу тебе кой-чего подкинуть.

Я подалась вперед:

– Работу няней?

Доктор Шейн просмотрела несколько папок и достала из одной лист бумаги.

– Ага, вот. Чуть не забыла! Одна моя хорошая знакомая

как раз ищет няню для своего сынишки. Она работала в больнице, где я проходила практику.

– О-о, здорово, – сказала я.

Доктор Шейн еще раз пробежалась глазами по странице и снова посмотрела на меня.

– Зовут ее Бренда Харт. Ее мальчику что-то около восьми.

– Замечательно, – сказала я. – Это очень мило с вашей стороны.

Она переписала контакты в блокнот, вырвала листок и передала мне.

– Спасибо, доктор Шейн. – Я просмотрела имя и адрес. На нем мой взгляд задержался. – Они что, живут на Фиар-стрит, улице Страха?

– Да, именно там. У тебя нет проблем с Фиар-стрит, верно, Лиза?

Я смутилась.

– Ну-у...

– Ты, конечно, не воспринимаешь всерьез страшилки об этой улице? Древние проклятия, о которых тут ходят слухи... Ты ведь не веришь в зловещие улицы, я надеюсь?

Я заморгала.

– Нет. Нет, что вы.

Часть третья

13

– Ты в городе новичок, – сказал Айзек, – о Фиар-стрит ничего не знаешь.

– Пожалуйста, не пытайся меня отговорить, – отвечала я. – Мне эта работа *вот так* нужна. Мама не может вернуться в салон красоты из-за руки. А я отлично умею присматривать за детьми.

Он накрыл мою руку своей.

– Лиза, ты должна над этим задуматься. Кроме шуток.

Дело было в понедельник после занятий. Первый день в школе ничем особенным не отметился. Я боялась, что все будут со мною нянчиться, соболезнавать и обсуждать катастрофу. Но никто ничего не сказал. Большинство моих одноклассников вообще вели себя так, будто я никуда и не пропадала. Как гора с плеч, ей-богу.

Сэралинн показала себя настоящей умницей. Помогла мне с научным заданием. И дала несколько тестов, которых мне не хватало.

Нейт тоже молодчина. Я сказала ему, что хочу прогуляться до Айзека и посмотреть репетицию его группы. Он пообещал забрать меня оттуда и отвезти на Фиар-стрит для себе-

седования.

Стоял теплый весенний день. На клумбах перед домом Айзека покачивались красные и желтые тюльпаны. Почки на деревьях распускались нежными листочками того ярко-зеленого, сочного цвета, какой можно увидеть только в это время года.

Группа Айзека репетировала в гараже за домом. Я услышала их, шагая по гравийной дорожке. И, едва миновав половину пути, уже могла сказать, что это реально кошмар.

У Айзека есть три младшие сестренки – они смотрели на меня из бокового окна дома. Все трое зажимали ладошками уши.

Дверь гаража была открыта. Внутри я обнаружила Айзека, который, стоя на коленях, мотался из стороны в сторону в такт игре на гитаре. При виде меня он кивнул в знак приветствия. За спиной у него стояли еще двое ребят. Я увидела Букера Тодда, знакомого мне по школе, который наяривал на бас-гитаре, и мелкого, тощего пацаненка лет двенадцати, колошматившего по ударным.

Признаться, я толком не поняла, играют они одну песню или три разные. Возможно, это у них было что-то вроде джаза, где музыканты тоже часто играют кто в лес, кто по дрова.

Я стояла на дорожке, наблюдая за их потугами и натянув на лицо улыбку: пусть думают, что мне нравится. Из дома доносился шум – все три сестренки о чем-то горячо спорили.

Наконец Айзек закончил играть, снял через голову реме-

шок гитары и положил ее на пол гаража.

– Привет, Лиза. – Он подошел ко мне, почесывая в кудрявом затылке. На груди его футболки с эмблемой группы «Уик-энд с вампиром» расплывались огромные пятна пота. Остальные двое музыкантов присосались к пластиковым бутылкам с водой.

– Я в курсе, что мы отстой, – Айзек понизил голос и оглянулся на своих товарищей. – Можешь не притворяться.

– У вас что, всего три человека в группе? – удивилась я. Он вытер вспотевший лоб рукавом футболки.

– Не-а. Есть еще Дерек Палмер, на саксофоне играет. Но предки заперли его на неделю: нажрался, прикинь, на вечеринке у Керри Ричера, приперся домой и заблевал диван в гостиной.

– Фигово, – сказала я.

– Фигово – это еще очень мягко сказано. А вон тот пацан... – Айзек указал на щуплого мальчонку, – он вообще не ударник. Сосед, живет через дорогу. Как говорится, ни в зуб ногой. Что до Джейми Вайнера, то он спит и видит, как бы свалить: говорит, мы безнадежны.

– Плохой настрой, – сказала я.

Он улыбнулся:

– Слу-ушай, а чем не название для группы?

Я услышала звук подъезжающего автомобиля и решила, что это Нейт.

– Нейт подбросит меня на собеседование, – сообщила я.

– Угу, знаю. На улицу Страха, – буркнул Айзек. – Сперва поглядишь, улица как улица. Нормальные дома. Нормальные люди. Только вот не нормальная она... ни черта не нормальная.

– Пожалуйста... – начала я, подняв руку, чтобы он замолчал.

– Послушай меня, Лиза. Над этой улицей реально висит проклятие. Это не шутка. Не выдумка. Историю Фиар-стрит и семейства Фиар проходят в школе. Правда.

Я покачала головой.

– В каждом городке есть свои легенды. В каждом ходят жуткие истории. Даже в Шейкер-Хайтс были дома, о которых говорили, будто там привидения. Но...

– Были две семьи, ненавидевшие друг друга, – продолжал Айзек. – Гуды и Фиары. Они наложили друг на друга проклятие. Практиковали колдовство и чернокнижие. Нам рассказывали о них в шестом классе на истории.

Он положил руки мне на плечи.

– Я смотрю, ты мне не веришь. Но на Фиар-стрит происходили зверские убийства, Лиза. Людей находили обезглавленными, обескровленными и...

– Хватит! – рявкнула я. – Я в самом деле не верю в эту ужасняцкую дребедень, Айзек. Перестань меня пугать.

Он держал меня за плечи. И вдруг как-то удивительно изменился в лице. Его глаза расширились. Он привлек меня к себе, опустил голову и поцеловал – яростным, жадным по-

целуем. Губы у него были сухими и жесткими.

Я была так поражена, что даже не отстранилась. Так и стояла, позволяя ему меня целовать. Он удерживал меня за плечи. Я не могла дышать.

Я попросту растерялась.

Но потом я отвернула лицо и отпрянула от него.

– Нет, Айзек, – выдавила я. – Пожалуйста. Ты же знаешь, что мы с Нейтом...

И поперхнулась, увидев его собственной персоной. Нейт стоял на подъездной дорожке в нескольких футах от нас.

Неужели он видел наш поцелуй?

Он замер в лучах красного предзакатного солнца, словно озаренный огненным светом прожектора. На лице Нейта застыло странное выражение, а холодный взгляд был устремлен на Айзека.

– Ну, как отрепетировали? – спросил наконец Нейт.

Айзек был красный как рак. Он пожал плечами:

– Сам знаешь.

Я до сих пор чувствовала его жесткие губы на своих.

Нейт посмотрел на меня.

– Думаю, нам пора. – Он отвернулся и зашагал по дорожке, поддавая ногами гравий.

– Увидимся, – сказал Айзек. – Нужно привести этих ребят в форму. – Он улыбнулся мне какой-то странной улыбкой. – Удачи на улице Страха, Лиза.

Я махнула ему рукой на прощание и пошла вслед за Нейтом. Голова у меня шла кругом. Нейт с Айзеком дружили с детства. Зря Айзек меня поцеловал.

Это точно был не дружеский поцелуй. Слишком страстный.

Никаких сомнений: Нейт все видел. Интересно, что он скажет?

На самом деле Нейт всю дорогу до Фиар-стрит вообще молчал. Уставился вперед, будто не хотел на меня смотреть. Такое поведение было ему совсем несвойственно, и мне все больше становилось не по себе.

– Айзек рассказывал мне про Фиар-стрит, – сказала я, лишь бы нарушить молчание. – Вообще-то, он меня предо-

стерегал.

– Я в такой вздор не верю, – отозвался Нейт, взяв в сторону, чтобы пропустить школьный автобус. – Все так шарахаются от этих Фиаров... – Он покачал головой. – Не то чтобы я дружил с Бренданом Фиаром, но, по-моему, вполне нормальный парень.

Брендан Фиар учится в старших классах. Я сталкивалась с ним в коридорах, но лично не была знакома.

– Айзек сказал, что я не должна устраиваться на эту работу, потому что она на Фиар-стрит, – продолжала я.

Нейт упорно не сводил глаз с дороги.

– Айзек начитался комиксов, – буркнул он.

На этом разговор был окончен.

Как только мы свернули на улицу Страха, солнце скрылось за облаками, и небо потемнело. Вдоль дороги тянулись согбенные деревья. Дома выглядели старыми и были отделены от проезжей части широкими дворами.

Впереди через дорогу стрелой метнулся кролик, и Нейт резко вывернул руль, чтобы не задавить его.

– Ай! – вскрикнула я, отлетев к дверце. И тут же пошутила: – А вот и мое первое опасное приключение на улице Страха.

Нейт, однако, не засмеялся. Мы миновали рожицу, и впереди, за невысокой живой изгородью, показался высокий дом, отделанный темной дранкой.

– Какой там номер? – спросила я. – Кажется, это здесь.

Нейт сбавил скорость, и мы медленно покатались мимо подъездной дорожки. На почтовом ящике стоял номер 32.

– Да. Он самый. – Я взглянула на дом через лобовое стекло. Он был погружен в темноту, лишь в окне на фасаде горел оранжевый свет.

Когда мы въехали на дорожку, на парадном крыльце зажегся фонарь.

– Миссис Харт, наверное, уже заждалась. – Я пригладила волосы. – Я нормально выгляжу?

Нейт наконец повернулся ко мне.

– Ага. Выглядишь хорошо.

У меня вдруг встрепенулось сердце. Руки стали холодными.

– Поверить не могу, что так волнуюсь, – сказала я. – Пожалуй, мне и впрямь нужна эта работа.

– Ни пуха ни пера, – пожелал Нейт. Наклонившись, он поцеловал меня в щеку. – Покори их.

У меня даже лицо зачесалось. Вот не ждала, что он после всего меня поцелует.

– Поеду заберу брата с музыки, – сказал он. – Закину к нам и вернусь за тобой.

Я начала открывать дверцу.

– Удачи! – напутствовал Нейт.

Я сделала глубокий вдох и направилась к ярко освещенному крыльцу.

Бренда Харт открыла дверь еще до того, как я успела позвонить.

– Лиза? Проходи.

Толкнув сетчатую наружную дверь, она пропустила меня в прихожую. В доме было тепло и пахло жареной курицей. Я обратила внимание на темно-зеленые стены и высокую медную лампу на столике рядом со стопкой нераспечатанных писем.

Хозяйка пожала мне руку:

– Рада с тобой познакомиться. Я – Бренда Харт.

Прихожая выходила в гостиную. Крутая деревянная лестница вела на второй этаж. Стены в комнате были такого же зеленого цвета. Две потолочные лампы заливали бледным светом темную мебель, включая два кресла за низеньким кофейным столиком, развернутых к черному кожаному дивану с высокой спинкой. На нем лежал открытый номер журнала «Пипл».

Бренда жестом предложила мне одно из кресел. Она была стройная, миловидная, возрастом, надо думать, ближе к сорока. Ее темные волосы были зачесаны назад и стянуты резинкой в хвост, под карими глазами пролегали круги, придававшие ей усталый вид. Одета она была в молодежном стиле – короткая плиссированная юбка поверх черных колготок

и кремового цвета футболка с длинными рукавами.

С тяжелым вздохом миссис Харт опустилась в соседнее кресло.

– Денек выдался не из легких. Рада, что ты пришла.

– Спасибо, – ответила я, откашлявшись. Бренда казалась милейшей женщиной. Почему же я не могу унять тревогу?

– Вы живете неподалеку? – осведомилась она.

Я кивнула.

– Мы с... мы с мамой живем на Виллидж-роуд, у запруды. Только недавно переехали. Несколько месяцев назад.

Взгляд ее темных глаз встретился с моим.

– Тебе здесь нравится?

– Да. Тут немного не так, как в Шейкер-Хайтс. То есть город поменьше. Но школа у вас хорошая. И я уже завела друзей.

Бренда вытащила из нагрудного кармана упаковку жевательной резинки без сахара и предложила пластинку мне. Я отказалась. Она закинула обе пластинки в рот.

– Подсела я что-то на эту гадость...

– А я помешана на «Ментосе», – призналась я.

Хозяйка сухо, почти беззвучно усмехнулась. Ее темные глаза блеснули.

– Позволь я введу тебя в курс дела. – Она склонилась ко мне поближе.

– Нужно сидеть с ребенком, да? – Я вдруг обратила внимание, что этого самого ребенка почему-то до сих пор не видно

и не слышно. В доме царила тишина, лишь большие квадратные часы тихо тикали на каминной полке. Никаких игрушек я не заметила – вообще никаких признаков того, что в доме живет ребенок.

– Нужно не только сидеть с ним. – Бренда откинулась в кресле. – Начну, пожалуй, с самого начала. Недавно я получила новую работу, и рабочий день у меня, скажем так, ненормированный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.